

Юлия Проза

Я-Ведьма

потому что не умею лгать

18+

Юлия Проза

Я — ведьма

<https://litres.ru/73729366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альбина умеет видеть людей насквозь.

Именно поэтому в родной деревне её называют ведьмой - она видит правду, которую другие прячут даже от себя.

Она знает чужую боль, чувствует ложь и может помочь — но за правду здесь не благодарят. Здесь проще придумать страшную сказку, выбрать виноватую и поверить в неё всем селом.

Альбина научилась молчать.

Но молчание не спасает, когда прошлое снова поднимается из пепла, а рядом появляется мужчина, которого она не может прочесть так, как остальных.

Тот, кто опасно близок.

И тянет сильнее страха.

Когда все вокруг уверены, что она проклята, Альбине придётся решить: и дальше жить чужой легендой — или наконец заговорить своей правдой.

Содержание

Из дневника Альбины	4
Я превратилась в одержимую дьяволом	7
Я познакомилась с Андреем	11
И я сделала шаг и ответила	15
Я смотрела ему в глаза	20
Лирическое отступление	25
Она боялась меня	29
Я впервые вижу иначе, чем прежде	33
Моё молчание против его гордыни	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юлия Проза

Я — ведьма

Из дневника Альбины

Я чувствую тёплую руку на своём плече, прижимаюсь к ней щекой, и все разбитые и сшитые кусочки тела отзываются во мне.

«Что ты делаешь?» - уже обнимает за плечи.

«Вспоминаю», - пишу я.

«Обо мне?»

Как ценен этот миг, как важен.

- И о тебе тоже, - говорю вслух.

- Что, мам? – спрашивает мой сын.

- Я задумалась, - улыбаюсь мальчику, в глазах которого отражается моя любовь.

Снова, как в зеркале...

- О чём ты пишешь сегодня? – спрашивает открытая душа.

- О желании говорить, превращённом мною в молчание.

- Но зачем? – по-взрослому хмурит он лоб, и я вижу, что мальчик вырос...

Всё дело во мне – в смысле моего предназначения, неприятного теми, среди которых я молчу.

Кто я для них?

Причина бесконечного проливного дождя, неурожайного года, затянувшейся болезни – всех немыслимых болезней деревенского населения. Я та баба с пустым ведром, которая круглый год виновата в отсутствии везения. Я и чёрная кошка, и оставленный ночью нож на столе, и карканье вороны, и вой собаки, что пророчит беду... Одним словом – мешаю всем, кто ищет причины своих неудач в чужом дворе, а моя хата, как раз, с краю.

Здесь я решаю судьбы людей – калечу, навожу порчу, разбиваю семьи.

Я – ведьма.

Возможно, так и есть, я ничего не скрываю – просто никто не верит в мою честность.

- Почему ты молчишь?

- Потому что не умею лгать.

Протягивать руку помощи каждому, кто не безразличен к себе – это не подлежащий изменениям закон моего дара, залог его огромной, неуправляемой силы, которой мне позволил распоряжаться кто-то свыше – пройти сквозь трудности, чтобы осознать её значимость и присутствие. Но люди, ради которых она не знает покоя, бросаются в неё камнями и кричат, что я ведьма, подтверждая это домыслами – им легче поверить в небылицу, чем посмотреть на себя *моими* глазами. Я знаю – у них нет на это сил...

Вижу улыбку и наполненный любопытством взгляд, так похожий на отцовский.

- Ты и меня видишь?
- Всегда, - улыбаюсь в ответ.
- А девочкой себя помнишь?

Я превратилась в одержимую дьяволом

Детство. Беззаботное, беспечное, босоногое деревенское детство. Ласковое от бабушкиных сказок, простое и невинное – всепрощающее детство. Ему чужды безвыходные ситуации, в которые часто попадают взрослые, и, безобидно им подражая, маленькие человечки играют в прятки, дочки-матери, казаки-разбойники, даже не догадываясь о существовании реальных сложностей. Безмерная игра воображения неспособна отличить фантазию от придуманных иллюзий мира вокруг, и это волшебство спасает каждого ребёнка прежде, чем он шагнёт на поле с чёрно-белыми клетками взрослой жизни.

Как и все девчонки, я играла в куклы, прыгала на скакалке и рисовала домики, но какое-то незнакомое мне ощущение ходило попятам, и я начала оборачиваться на звук его шагов. Я не могла понять, почему мама улыбается, когда внутри неё что-то рыдает и стонет? Почему баба Нюра говорит одно, а думает о другом? Откуда у тётки Полины такие сахарные мысли, если она никогда не упускает возможности пожаловаться на свою горькую долю?

Я боялась того, что отчётливо видела за лицами людей. Со временем во мне стало так много чужого и чуждого мое-

му детскому воображению, что я не смогла молчать. Говорила то, чего сама не понимала, освобождаясь, таким образом, от приходящих видений – говорила невпопад, не вовремя, как получится. Люди начали жаловаться родителям, просили принимать меры, следить, в конце концов, за поведением ребёнка, неожиданно ставшего ненормальным. Мать прислушалась, начала читать нотации вперемешку с подзатыльниками, только это ничего не изменило – будто *кто-то* принуждал меня, и в свои десять лет я вдруг ясно увидела, что не умею лгать. Поползли сплетни и пересуды, разносимые по деревне суеверными бабушками со скоростью ураганного ветра, и в одночасье из Поляковой Альбины я превратилась в одержимую дьяволом.

Мне было всё равно, что вокруг – лишь бы разобраться с *тем*, что творилось внутри.

Я не случайно вспомнила детство. Оно крепким узлом связало меня с тёткой Полиной, младшей сестрой матери. Когда я вижу её цветущую, заносчивую и влюбленную в себя, то в памяти сразу воскресает день, ставший для меня судьбоносным...

Несмотря на годы, превратившие многих деревенских женщин в сварливых баб, моя тётка выглядела королевой. Её положение среди односельчан можно назвать завидным, потому что вездесущность и отсутствие какого-либо стыда сделали Полине Константиновне авторитет. Уже не молодая, но готовая на всё ради своего великолепия, она могла заткнуть

за пояс любую молодуху как ухоженной внешностью, так и безграничной наглостью.

Я знаю о ней всё. Когда она откровенно ненавидит меня ядовито-зелёным взглядом, я вижу каждую мысль, застрявшую в её кривом, изрезанном рассудке. Вот и сегодня тётка посмотрела с такой язвительностью, что даже кровь застучала в висках.

Вместе с бабой Зиной Полина Константиновна шла от остановки в сторону конторы. Приехал Андрей, теперь уже выпускник юридического факультета. Баба Зина моментально ожила, порозовела и с давно уснувшей в ней активностью забросала внука вопросами. Расторопно вышагивая рядом, она чувствовала себя не сторбленной старушкой, а заново рождённой, счастливой Зинаидой Федотовной.

Я шла прямо на них.

Баба Зина сразу схватила внука за руку и потащила с дороги.

- Никак из самой преисподней выползла, - выговорила она, глядя исподлобья. – Теперь весь день насмарку! Да ещё с пустым ведром.

- Ты опять за своё? – укоризненно ответил внук. – Хватит уже.

- Чего хватит-то?! Ты у нас последний раз когда был? Полвека назад? Вот и молчи, коли не знаешь, сколько мы бед от неё за эти годы натерпелись! Ужас один!

- Перекреститься не забудь, - ехидно хмыкнула тётка По-

лина и свернула в проулок.

Убедившись в том, что Зинаида Федотовна оставила принесённые мною неудачи за калиткой, я набрала воды и повернула обратно.

Я познакомилась с Андреем

С Андреем я познакомилась позапрошлой зимой. Произошло это при не очень приятных для деда Вани обстоятельствах, потому что он упал в аккуратно припорошенную снегом яму и повредил ногу. Выбраться из неё без каких-либо подручных средств было невозможно, и дед отправил внука за помощью. Дом бабы Нюры, доставшийся мне после её смерти, находился прямо под носом у леса, в котором и покалечился вечно непоседливый Гурьянов дед. Напуганный Андрей громко постучал в окно, и по стуку я поняла, что надо одеваться. Мы освободили деда из «засады от досады», как говаривал он сам об этом случае, и с божьей помощью привели в дом. Он всё время ругался и кряхтел от той самой досады, помешавшей ему притащить «лесину на дрова», и озабоченный тем, что теперь её утащит кто-нибудь другой (скорее всего Толька Подгорный), деда Ваня бесперестанно бурдел.

- Он не сможет идти? – осторожно спросил Андрей, чтобы не перебить дедовы претензии к оказиям природы.

- Сможет, - ответила я.

- Да как же это так? – возразил дед. – Я её не чую, ногу-то эту! Пошавелить не могу! А она твердит, идти! Куды там!

- А я говорю, сможешь, - настаивала я. – Чаю попил, а теперь вставай и иди. Ну? Что смотришь, как на ненормаль-

ную? Вставай!

Дед возмущённо чмокнул губами, и, решив доказать свою беспомощность, резко поднялся с дивана на обе ноги. На его лице мгновенно появилось удивление, которого дед Ваня никак не ожидал.

- А ведь не болит, - оценил ногу и даже слегка на неё присел. – Чего это вдруг?

- Сильный ты, деда Ваня! Не время болеть, когда у тебя в лесу столько дел, - сказала я.

Дед нахмурился.

- Сильный, говоришь? А, может, ты мне чего в чаю-то подмешала? А? В деревне-то про тебя такие сказки рассказывают! Ну?

- Ничего я не подмешивала, а веришь ты или нет, дело твоё.

- Так-то оно так, - прошёлся дед Ваня по комнате, всё ещё не веря в непредвиденное исцеление. – Но ведь чертовщина какая-то получается! Ногу-то я людям как объясню? Скажу, свалился в яму, вывернул себя наизнанку, от боли чуть богу душу не отдал, а Альбинка Полякова в пять минут, значит, всё изладила? Руками потрогала и домой спровадила? Вот так басня! Хе!

- Именно так и объясняй, или – не объясняй ничего.

Дед махнул рукой и начал одеваться. Уже на пороге остановился, помялся на одном месте и ответил:

- Ладно, Альбина, чего бы ты там не сделала, чёрт его зна-

ет, спасибо тебе, - и прямодушно улыбнулся. – Спасибо, дочка!

Он и теперь так меня называет, изо всех сил защищая среди тех, кому его рассказ кажется демонической историей. Только ему это ничуть не мешает верить в то, что я, действительно, помогла.

Такие, как дед Ваня, выглядят чужаковато на фоне своей простоты и потерянности во времени, скачущем мимо в прогрессивную современность. Скорость этого галопа не пугает их, не меняет привычек, не мешает жить в согласии с новыми правилами. Изо дня в день они остаются верными себе и держат данное слово или обещание. Их взгляд обращён внутрь, на то лучшее, что готов отдать другим безвозмездно, независимо от времени и характера – просто потому что *это кому-то нужно* – честность снаружи, искренность внутри.

Закрыла кабинет и вышла на улицу через запасную дверь.

Когда Надежда Петровна, директор школы и, по счастливой случайности, соседка бабы Нюры предложила мне работать в школе, я не сразу согласилась. Восприимчивые к деревенским пересудам родители смотрели на меня как на врага, заставляя детей не брать книги из моих рук, не стоять там, где стояла я, и тому подобную чушь. Двойки в дневнике, конечно, объяснялись моим появлением в школе, но никак не безграмотностью воспитанников. Независимые от родителей в выборе друзей или интересов, дети произвели на меня необычайное впечатление – с откровенной радостью я

смотрела им прямо в душу, ещё не загроможденную заботами взрослых. Тем и жила, молчаливо прячась от людей, которые ругали своё дитя за то, что называли меня доброй и хорошей...

И я сделала шаг и ответила

В свалившейся темноте дребезжал на все голоса клуб. Окна дёргались под светомузыку из ёлочной гирлянды, всю кричала какая-то современная поп-дива. Громче музыки визжала десятиклассница Ленка Барсукова, которую только что ущипнул за задницу местный мотоциклист Юра по кличке Шпрот, посланный за это трёхэтажным матом куда подальше. За клубом хохотали малолетки, шпионя за сёстрами и братьями, о похождениях которых уже завтра будет доложено ничего не подозревающим мамкам. Там же орали и звенели бутылками «дядя Толя и компания», пьяные по субботам, как по расписанию.

На школьном крыльце заседали «Тимур и его команда». Так местные называли неразлучных друзей с Никитой во главе, который каждые выходные приезжал из города, чтобы поучить жизни деревенскую молодёжь – репутация лидера уже давно шагала впереди него.

Глядя на весёлую пьянку тимуровцев, я поняла, что *просто так* мимо них не пройти.

Ничего. Я привыкла. Единственное, чему удивилась – Андрею на ступеньках.

- Какая встреча! – заорал Витька, он же Болт. – Смуглянка! Тьма сердца моего! Куда торопишься? Не на свидание ли с демоном?

- Вопишь, как дурной! – толкнул его Стёпка и перевёл осоловелый взгляд на Смуглянку. – Чего застыла-то? Испугалась что ли?

За тёмный цвет волос и смуглую от рождения кожу меня окрестили Смуглянкой.

Витька с Сашкой буквально скатились с крыльца прямо в мою сторону.

Следом демонстративно спустился Никита.

- Не спится, да? – еле ворочая языком, спросил Сашка, напирая. – С работы идёшь? И кого обслуживала? Опять лесника?

Все дружно заржали.

Один Никита выделился: слегка скривил губы в подобие улыбки.

- Мужики говорят, ты горяча! – простонал Болт. – Может, и нас погреешь, а то похолодало...

- Ага, погрееет она! Жди! – перебил Стёпка. – Сглазит, а потом со света белого сживёт. Отстаньте вы от неё!

- Ой-ой-ой! Как мы испугались! Нас такими бреднями не проймёшь, - возразил Сашка и зачем-то добавил: - Всё равно молчит, как рыба.

В этот момент я поймала взгляд Никиты, который даже не скрывал, что разглядывает меня.

Люди никогда не смотрят мне в глаза, предпочитают обходить стороной и не связываться. Кроме скандалистов, конечно, которые за словом в карман не полезут и при случае, на-

пример, таком, как сейчас, обольют грязью с головы до ног.

А этот смотрел.

Когда я смотрю в глаза, то вижу чувства. Вижу мысли и порядок возможных событий вокруг них. Когда прикасаюсь – чувствую сама. Физическую боль, состояние тела, а не души – *душу я читаю глазами*. И если раньше читала вслух, то теперь – молча.

Неподвластная контролю и объяснению, моя сила толкнула вперёд, и я сделала шаг... Второй... Третий...

Никита смутился.

- Глянь-ка! С ума сойти! – закричал Болт, размахивая бутылкой. – На Никиту глаз положила! Соглашайся, брат! Не каждый день выпадает возможность на чертихе покататься!

- Тьфу ты! Дурак! – не уступал Стёпка. – Ведьма она! Как пить дать – ведьма! Не лезьте к ней!

- Да иди ты! – ответил Витька. – Задолбал!

В моих глазах горел огонь, который поднимался вместе с дымом к небу, слишком чёрному от пожара – я сожгу дотла любого, кто попытается его погасить...

Никита бесцеремонно схватил меня за плечи и начал целовать.

Я, не раздумывая, ответила.

Не понимая причину своего поведения, а моего тем более, он резко оттолкнул меня. Настойчиво пожирая глазами мой молчаливый образ, подумал обо мне, *как и все*.

- А я что говорил? Шлюха она и есть! В деревне все об

этом знают, - оценил ситуацию Сашка.

- Да ведьма она! – завопил перебравший Стёпка.

- Может, хватит, а? Мы тебя поняли. Уймись!

- Чего уставилась? – грубо спросил Никита. – Иди, куда шла.

Не сводя с него глаз, я не сдвинулась с места.

- Иди отсюда! – громко крикнул в ответ на моё молчание...

Прежде чем заснуть, я подумала о том, *что увидела.*

Плюс и минус. Две разные стороны одной монеты. Противоречивые эмоции и поступки. Стремление выделиться и сделать иначе. Удовлетворить недовольное самолюбие. Быть другим вопреки и даже себе назло. Разрушать построенное порядком. Быть не собой в мыслях, чувствах и действиях. Потерять равновесие, обращаясь к разноликому миру, раздающему маскарадные маски.

Зачем ему это? Выбирать поверхность, когда твоя суть просит глубину?

А утром пришёл Андрей.

Мне нравилась открытость, с которой он умеючи расставлял все точки над «и», чтобы разрешить конфликт или недо-разумение.

- Что вчера с тобой произошло? – начал юрист.

- Я тоже так и не смогла объяснить твоё присутствие в команде Тимура, - пожалала я плечами и удивилась. – А с тобой что?

- Могу изменить вопрос, но смысл останется тем же.

- Давай, - согласилась я.

Я смотрела ему в глаза

- Почему ты позволяешь людям так к себе относиться?

- Потому что вижу правду, которую они прячут так глубоко, что забывают потом, где искать. Так ведь легче? Закопать душу от греха подальше. Но я-то её вижу! Кому это нужно?

И остановилась, словно заново споткнулась о пережитое после стольких лет затишья.

- Поэтому я молчу. Смотрю, испытываю, предчувствую – и молчу. Это лучшее, что я могу сделать для их ненависти. Иначе нельзя – иначе они убьют меня.

- Твоё молчание подливает масла в огонь ещё больше, - не согласился мой гость.

- По-крайней мере, так проще. Как-то спокойней, когда знаешь, что тебе ничего не сделают за твоё молчание.

- Но ведь надо защищаться! – возмутился Андрей.

- Потому и молчу! – также ответила я.

- Значит, тебе доставляет удовольствие слушать гадости?

Как они полощут тебя с утра до ночи в грязной луже?

- Как я могу изменить то, что уже восемь лет висит надо мной мёртвым грузом? Для них я дикий, больной человек не от мира сего. Даже не знаю, как объяснить им, что это не так.

Но Андрей не хотел мириться с моими доводами.

- В таком случае, ты тоже забыла о своей душе. Тебе безразлично, что с ней будет.

- Один в поле не воин.

- Раз уж тебе *одной* дано умение видеть сквозь людей, может, стоит этим воспользоваться? Или ты согласна с тем, что говорят дружки Никиты?

Я знаю, что Андрей прав. Надломленная и неспособная принять реальность в натуральном виде. Я хотела изменить её, а не себя – жить среди людей и ждать, когда они одумаются, ничего, при этом, не делая. Я слилась с тем образом, который мне навязали, привыкла к нему и, действительно, забыла о себе настоящей. Ведь той силой, что проходит через меня, нужно распоряжаться независимо от легенд о дьявольском происхождении. Разве она во мне для того, чтобы молчать?

Нет.

- У Никиты на тебя большие планы, - усмехнулся мой друг. – Ты понимаешь, о чём я? Особенно после вчерашнего горячего поцелуя. Что это было? Самооборона?

- Напрасно беспокоишься, - прочитала я в его глазах. – Никита мне не страшен.

- Да?! – будто изумился парень. – Откуда такая уверенность?

Я уставилась в одну точку, как делала всегда в поисках чужого, но ставшего моим. Говорила с большими паузами...

- Он не такой... Поэтому ничего не сделает... Не сможет... Не умеет.

- Думаешь?

- Я смотрела ему в глаза.

Андрей озабоченно покачал головой.

- Хотелось бы верить.

- А ты поверь, - и выделила. – Хоть ты-то поверь.

- Дед Ваня привет передавал, - неожиданно повеселел внук. – Говорит: «Дочку в гости зови. Срочно пусть идёт, а то кашель замучил, спасу нет! Все лёгкие уже выхаркал!»

Я тоже улыбнулась.

- Так что деду передать? Вылечишь?

- Непременно.

- Может, прямо сейчас?

Я опять испугалась. Того, что скажут, как будут озлобленно коситься, плевать через плечо и проклинать мои следы...

- Хватит жалеть себя, Альбина, - подхватил Андрей.

Я участливо посмотрела в его доверчивые глаза и... ужаснулась.

За искренним желанием стать частью моей судьбы стояла беда, настолько неотвратимая, что я мгновенно почувствовала её приближение.

- Тебе нельзя со мной, - быстро ответила я. – Из-за меня будут неприятности.

- Ну и пусть, - никак не отреагировал он на моё беспокойство. – Может, тогда ты на что-нибудь решишься.

Но это нехорошее предчувствие не отпускало меня.

- Это не моё дело, конечно, но почему Никита? – сразу же сменил Андрей тему.

- Не знаю.

- Как так?

- Я это не контролирую. Мною руководит сила, мне неподвластная, и я не могу предугадать своих действий. Она целенаправленно толкает на то, что нужно сделать. Помочь – вот её цель. И то, что она сделала вчера, было ответом на чувства Никиты, которые стали теперь её содержанием. Как и твои, твоего деда, тётки Полины – всех, кого она коснулась.

- Ну вот! – оживился Андрей. – Ты только что нашла выход.

- Помогать людям, когда они этого не хотят? – возразила я.

- А ты сделай так, чтобы попросили! Ведь они не видят беду и неприятности – их видишь *ты!* Предотвращаешь – *ты!* Предупреждаешь – снова *ты!* И по этому плану надо действовать.

- Какая я? – неожиданно спросила, изучая парня глазами.

- Слишком безучастная в раздутой вокруг тебя истории. Недоверчивая, замкнутая в своём мире, поэтому напуганная его несовместимостью с нормальными, озабоченными здоровьем, капиталом и хозяйством людьми, уж поверь юристу. Отсюда неуверенность в способности изменить то, к чему обязывает твой дар. Ты сама позволила превратить себя в дьявольское отродье и Смуглянку, потому что, осознав силу, не воспользовалась ей. И если она, действительно, всецело определяет смысл твоей жизни, то надо это исправлять, но

так, чтобы она приносила пользу и тебе.

- Честный ответ, - согласилась я с тем, что *увидела*.

- А теперь идём гулять, - закончил Андрей наш откровенный разговор.

- Тебе со мной нельзя, - повторила я.

- Ты серьёзно?

- Да. Предупреждаю и предотвращаю. Или тебе не нужна моя помощь?

- А если скажу, что нет?

- Отвечу, что беда неизбежна.

- Вот когда она постучит в мою дверь, тогда и буду ждать тебя вслед за ней.

- И всё ради прогулки?

- И, желательно, не одной, - улыбнулся Андрей. – Как в старые добрые времена, помнишь?

С этой минуты я поняла, что он уже давно часть моей судьбы...

Лирическое отступление

Многое изменилось с тех пор, как в Афанасьевке стали жить не как хотелось, а как получится.

Первым делом исчезли прибыльные для села достопримечательности. Известный всему району лимонадный завод, большая птицеферма, где когда-то работала моя мать, и швейная мастерская, которая одевала тружеников сельского хозяйства в спецодежду, облегчая тем самым каждодневную стирку жён и матерей. Работала сельская библиотека с «избой-читальней» для тех, кому дома книжный смысл не давали понять нескончаемые хлопоты. Была своя пекарня с длинной очередью, стоять в которой хотелось, потому что запах свежей выпечки предвещал очень вкусный финал. К тому же, живая очередь из новостей и анекдотов никому не давала соскучиться или остаться не в удел. Стариков уважали, пропускали вперёд, как и мамок с малыми детками, рёв которых требовал особого понимания со стороны односельчан.

Время было другое, и люди были другими: внимательными и дружными в решении насущных проблем – вместе, напористо, с желанием докопаться до истины. Она была превыше всего, мерилom человеческих отношений, состоянием души и признаком состоятельности каждого, кто жил по её убеждениям – люди ценили правду и жили в согласии с

ней. Больше доверяли, смелее просили, были проще и роднее друг другу. Если свадьба, то гуляет вся деревня, потому что сосед слева – это брат, а соседка справа – кума. Потому что баба Шура, что живёт напротив, и тётя Нина с Заречной улицы выручат в любом, даже почти смертельном случае – все поймут твою нужду, разделят радость или развеют тоску. И всё это вместе взятое определяло уклад жизни с её корнями и традициями, которые не делили людей, а объединяли за одним столом, в одном доме – за одной большой и широкой деревенской жизнью.

А потом она дала трещину. Поддуваемая ветрами перемен не в лучшую сторону, она незаметно поддалась им. Стала с годами хиреть, увядать и наряжать привычный домашний уют с его тёплой печкой модными новинками времени, которое частенько увиливало от истины, что спасала и любила. Теперь на радость полуразваленной деревни остался орущий в ногу со временем клуб. Вместо сельской библиотеки – магазин, снабжаемый частным предпринимателем из соседнего города. Школа на одной половине с детским садом и здание с громким названием «Сельская администрация». Всё остальное куда-то кануло, оставив среди людей только воспоминание о былых временах. Они доставали его из сундука как ценную вещь, крутили в руках и, тяжело вздыхая под бременем забот, нехотя прятали обратно. Именно поэтому они до сих пор сидят возле магазина на лавочке, задумчиво курят в ожидании чего-то и, попадая впросак, идут к

соседям за помощью.

Озлобленный от постоянного безденежья и застоя эмоций на фоне семейных драг, человек изо всех сил пытается остаться человеком. Затем срывается, опускает руки, представляя безысходности все шансы на победу. И когда приходит отчаяние, а просвета не видно даже на расстоянии вытянутой руки, он отворачивается от себя и принимает суровые условия реальности. Мужская половина населения находит успокоение на дне бутылки, из-за которой женская половина забывает, что она женская. Не находя себе применения, молодые девушки выходят замуж за того же любителя напиться в стельку и превращаются в кухонный комбайн, поломойку и детородный аппарат. В таких семьях рождаются на свет никому ненужные дети, которые ничего не видят кроме папиной пропитой рожи и маминой лужёной глотки. Да и заняться ими некому – все заняты важностью самого себя, настолько актуальной, что немного подумать о важности других некогда и незачем. Но где-то глубоко внутри, под сердцем, толкается и рвётся наружу желание свободы от этих ограничений, изо дня в день ими же подавляемое.

Дорогие мои, люди! Неужели вековая истина о том, что сеющий зло сам его и пожинает, до сих пор вами непринята? Для чего быть чёрствым, наглым и грубым? Сравнить себя с другими или равняться на них? И что это за новые притчи? Соломон лишился бы рассудка, когда услышал! «Совесть – это роскошь, а мы люди бедные!» Или: «Дурак дурака ви-

дит издалека». «Он мне гадость, а я ему две». «Жадность – не порок. Ты не выжил, а я смог». «Бабло побеждает зло». Зачем снова и снова открывать ящик Пандоры? Передавать его по наследству, критикуя и осуждая? Мы так разумно и логично научились объяснять человеческие помыслы и поступки, что даже не заметили их бесчеловечность!

Нельзя спрятать в сундук то, что рвётся из-под сердца в поисках правды, чтобы освободиться – *истина побеждает всегда*. Она неуправляема ни часом, ни веком, ни эпохой – *она сверхвременна*. Рождённая вместе с человеком, она – *вершина мудрости*.

Она боялась меня

Андрей закрыл за мной калитку, для пущей убедительности взял за руку и повёл в дом.

Баба Зина остолбенела возле раковины с намытой картошкой, а дед Ваня сразу перестал кашлять и подарил мне улыбку.

- Боже мой... Сынок... – чужим голосом прозвучала Зинаида Федотовна. – Зачем ты её привёл? Как же на меня теперь люди смотреть-то будут?

- Как-как! Глазами из-под бровей! – подхватил дед. – А тебе бы всё сплетни на лавке собирать! Проходи, дочка, не стесняйся.

- Дочка? – и баба Зина взялась за сердце. – Ой! За что ж мне такое наказание!

- Ну, что ты причитаешь, бабуля, - укоризненно ответил внук. – Не надоело на человека беспричинно наговаривать?

- Беспричинно? – прикрикнула баба Зина. – Да она дом с родной матерью сожгла, а ты её за руку водишь!

- Зинка! – перебил дед Ваня и стукнул кулаком по столу. – А ну прекрати околесицу городить! Цыц под лавку!

Я подошла к Зинаиде Федотовне так близко, что та от неожиданности присела. Глаза округлила, наполнила ужасом и прилипла к табурету.

Положив руку ей на плечо, я почувствовала тело...

- Вот здесь болит, - уверенно зазвучала через меня сила.

- А тебе-то что? – растерялась баба Зина.

- Ты не гавкай, а слушай! – снова пригрозил дед.

Я внимательно рассматривала суетливые движения эмоций на её лице.

Она боялась меня.

- Давно болит?

Баба Зина покосилась на деда.

- Не молчи, - ответил он с прежней суровостью. – Человек помочь хочет, а ты на него зверем смотришь.

- За неделю скрутило, шагнуть не могу, спину разламывает, - отчиталась баба Зина.

- Мне надо руки на больное место положить, - не сводила я с неё глаз.

- Зачем? Ни к чему это! Ещё чего! – подскочила та.

- Чтобы убедиться в своей неправоте, надо попробовать, - и Андрей снова усадил бабулю на табурет. – А потом, если понадобится, будешь возражать.

Зинаида Федотовна застыла на месте с выражением отчаяния в глазах, пока я искала руками источник боли.

- Это почка.

- Тьфу ты! – отозвался дед Ваня. – Продуло тебя, Федотовна! На лавке-то надо поменьше языком трепать. А то и в дождь, и в слякоть сидите, уши развесили! Мелете да несёте! Несёте да мелете!

Я закрыла глаза, шумно вдохнула, выдохнула, и, как по

сигналу, воцарилась тишина... Чувствительная, горячая под моими руками – в них билось моё сердце.

- Больше не болит, - внушительно сказала я, не убирая руки. – Да! Так и есть!

- Раз так, то так и будет, - закончил дед, докуривая папироску. – Теперь моя очередь, дочка. Что-то худо мне совсем. А ты чего расселась? Давай-ка, чайку согрей.

Но баба Зина сидела, не шевелясь, будто отгоняла прочь безболезненное состояние, наступившее вслед за моими словами. Засомневавшись, махнула рукой и вышла в сени, а когда вернулась, то подозрительно долго разглядывала меня со спины, но, столкнувшись с моим взглядом, шёпотом чертыхнулась и принялась за чай. Всё время поглядывала украдкой, старательно слушала, но всем своим видом показывала, что как будто отсутствует. Она постоянно переспрашивала себя: «То ли болит, то ли нет?», искала и не находила ответа. Можно сказать, специально ждала, чтобы не верить.

Когда наступил момент прощания, я всё же помогла ей определиться:

- Ну, что, Зинаида Федотовна, не болит?

Даже дед Ваня начал усиленно разглядывать свою старуху, чтобы вывести на чистую воду и упрекнуть за сочинённую небылицу.

- Да вроде не болит, - деловито пожала та плечами и быстро исчезла за поленницей.

- Ишь ты, важная какая Гусыня! Хоть бы спасибо сказала!

– крикнул следом дед.

Перед тем, как уснуть, я зачем-то подумала о том, что завтра суббота, а значит, приедет Никита. *Тот*, который самодовольно несёт себя вперед, задрал голову и не оглядываясь по сторонам, чтобы не споткнуться.

Другое дело *этот*. Ему неуютно за *тем*, но он молчит.

Прямо, как я...

Я впервые вижу иначе, чем прежде

Лес всегда спасает меня от мыслей. В его шелестящем воздухе есть что-то материнское, такое же ласковое, готовое защитить и согреть. Дремлющее среди безропотных веток забвение заживляет глубокие раны, и под крик растревоженных птиц, где-то в самой вышине леса, рождается принятие и прощение... И хочется дотронуться до них, выпитать всем телом, почувствовать, как исчезают неразборчивые мысли и грубые насмешки за скрипом старых деревьев.

Остудив в речке перегретое на солнце тело, я отправилась к леснику.

Два года назад у Ивана Матвеевича умерла жена. С горя он запил, чем не брезговал и при живой Настасье, да так, что после месяца беспросветного пьянства перепутал дворы и в одно по-осеннему прекрасное утро проснулся под забором моего дома. Поднялся, отряхнулся и, ощутив непреодолимое желание опохмелиться, заковылял к дому в поисках «зачачки». Вместо неё наткнулся на меня и после этого знакомства на бутылку даже смотреть не может. Пить – тем более.

Люди, конечно, сразу нашли для этой истории подходящее продолжение. Смуглянка, мол, к Ивану в лес шастает. Иван-то хоть и вдовец, да мужик ещё видный, всего сорок восемь ему. Так эта девка все его мужские потребности прямо в лесу и обслуживает. Да ещё и по расписанию – в сре-

ду и субботу. Это ж надо так опуститься, чтобы на глазах у всей деревни мужику на шею кидаться! Иван-то куда смотрит? Куда и все? Под юбку? Вот и сегодня попёрлась. Стыд да срам! Тьфу!..

Два раза в неделю Иван Матвеевич работал лесником как положено, от рассвета до рассвета. Я принесла ему, как договаривались, горячий обед и, никуда не торопясь, пошла назад.

Сквозь тенистую листву пробирается живой лучик солнца, играет улыбкой и мешает глазам смотреть. Приходится отворачиваться и думать тайком от него. Или вовсе не думать, просто идти босыми ногами по мокрой траве и чувствовать, как неведомая человеку сила расставляет всё по своим местам – ощущать, что есть гармония. Есть никому неподвластная тишина, способная на крыльях своего могущества донести до человека смысл существования *всего*. Среди зелёного шума и покоя легче дышать, и, с благодарностью открываясь ему навстречу, я прошу защитить от слишком застоявшейся на этой неделе жары.

Захотелось упасть на выжженную солнцем поляну и утонуть в запахе лесных трав!

Я обняла тонкостволую берёзу и всем телом ощутила взаимное, откровенное тепло. Полной грудью вдохнула головокружительный лесной аромат и открыла глаза...

Так и оцепенела с выражением восторга на лице. Потом смутилась, отвела взгляд и снова вернулась туда, где стоял

Никита. Словно сделала вторую попытку, попробовала ещё раз понять, что произошло, но так и не смогла.

- Ждёшь кого-то? – спросил, как и все, тоже не своим голосом – чужим, без единой настоящей эмоции.

Я изо всех сил старалась разглядеть его, жадно пожирающего меня глазами, и, может быть, впервые за годы, полные ярких видений, обрадовалась тому, что ничего не увидела. Это было странно и непривычно – будто не со мной.

- Где твой дружок?

Зло закипело и запенилось, вот-вот готовое прорваться наружу потоком неприятных слов.

- Так и будешь молчать? – нервничал он, подбираясь. – Целуешься с одним, гуляешь с другим. Или ему тоже перепадает?

Я сделала уверенный шаг навстречу.

Никита не выдержал.

- Ну, что ты так смотришь?

Осторожно взяла его за руку и повела за собой.

Теперь – ничего не понял.

- Куда ты меня тащишь? – но сопротивляться не стал. – Нет уж! Избавь! У меня нет желания купаться.

Я зашла по пояс в воду и, улыбаясь, поманила Никиту пальцем.

- Что? Прямо в одежде? – как будто возразил, покачав головой. – Нет. Даже причины не вижу.

Я подняла глаза к солнцу и поймала ресницами его живой

луч. Тот самый, который никуда не торопит время и знает всё на свете... Радужное сияние брызгами разлетелось над зеркалом реки, когда я упала на него спиной и погрузилась в воду.

Исчез день, изнурённый жарой и безветрием, лесной шум, одинокие крики птиц. Осталась непроницаемая, чистая в своей непрозрачности вода, над которой мои мысли замерли и остановились на одной – невозможности не думать *о нём*.

В мокром, дерзко прилипшем к телу сарафане я почувствовала себя уверенней, поэтому смелее поманила Никиту пальцем.

- Хорошая уловка, - усмехнулся он, сам не свой, и побрёл по воде.

От его прикосновения стало холодно... Он смотрел на меня, как на добычу – серыми, голодными глазами, словно хотел оторвать кусок и, не чувствуя вкуса, проглотить целиком.

Неприятный взгляд. Жестокий.

Я не знала, что творилось за ним на самом деле – его мысли были недоступны.

Что случилось со мной? Почему я не вижу?

И как бы пристально не вглядывалась – всё равно не получалось.

- Ты у меня вот здесь, - и показал на голову.

Он не говорил, а будто шипел, чтобы найти в себе яд и звучать равнодушно.

Я бессовестно следила за его губами.

- Почему ты так смотрела? – спросил он. – Или зачем?

Затем, что увидела того Никиту, которого точно никто не знает. Мои глаза искренне ответили на вопрос, но ответ был слишком неясным для того, кто сейчас жесток.

Сказала, что видела его другого – подлинного!

Широко открытыми глазами я изучала вопросительный взгляд из-под хмурых бровей и понимала, что *вижу иначе*, чем прежде.

За одну минуту моё молчание обрело смысл – и для меня, и для него.

Внутри стало беспокойно и многозначно – всего лишь за минуту.

Он дёргался, нервничал и предавал себя, сомневался и выворачивал наизнанку того парня, которого любил.

Зачем? Чтобы услышать мой ответ?

Именно поэтому не стоит говорить – я и без голоса достаточно сказала.

Тогда Никита начал распускать руки. Проглотил комок, застрявший в горле вместе со злобой, и уставился на мои губы.

Я смирилась и... приоткрыла их.

Моё молчание против его гордыни

Он вцепился пальцами в мои плечи так сильно, что стало больно.

Я сделала шаг назад, но Никита снова дёрнул меня. Нашёл пуговицы на груди, но я остановила, перехватила за руки и, что было сил, сжала запястья.

Теперь я проглотила комок...

Шагнула по течению и прикоснулась к его губам.

Ещё раз... Осторожно и обдуманно – хотела, как он, без единой эмоции.

Потом ещё раз – сдержанно, но настойчиво.

Никита попытался освободить руки – я продолжала их удерживать.

Он не сдавался, искал подвох, ждал его, не желая мириться с моей бессловесностью против своей гордыни.

Следующая попытка – ещё настойчивей. Дыхание предательски сбилось, и я по-настоящему отпустила себя – вцепилась в него губами, как он пальцами в плечи.

Не выдержал – ответил. И совсем не так, как я ожидала.

Поцелуй, от которого стало тепло, словно и не было войны пять минут назад.

Освободила его руки и позволила обнять.

Возбуждённая фантазия начала перекрывать кислород здравому смыслу и понесла по телу горячее желание. Никита

оставил его следы губами на шее, стянул бретельку с плеча и несдержанно укусил.

Я остановилась и отступила назад. Надо помнить о том, что обещал друзьям тот Никита, который может равнодушно задавить любое проявление нежности. У него ведь на меня великие планы.

На лице парня красовалась ухмылка.

- Почему нет? Из-за него?

Я просто улыбнулась и вышла на берег.

- Ты встречаешься с ним? Или так же, как со всеми?

Снова стало противно. Словно пять минут назад, всё-таки, была война.

К чему эти вопросы? Знает же, что не отвечу.

- Может, ты и правда шлюха, как в деревне говорят? - кажется, вернулся тот ехидный грубый парень. – Цену набиваешь?

Я прислонилась спиной к подружке-берёзе, взялась за подол сарафана, чтобы отжать, и не успела. Никита придавил меня к дереву, решив снять сарафан совсем: он задирает подол кверху, а я тянула его вниз, усиленно сжимая колени.

- Сама начала! – пытался втиснуть своё колено между моими. – Теперь давай до конца!

Я бросила подол и обхватила руками берёзу, ещё сильнее прижавшись к ней спиной.

Он ничего не сделает, не сможет, *я видела...*

Это был настолько сильный и глубокий поцелуй, что я

даже испугалась... Потому что ощутила его *таким* впервые. Ещё секунда – и он безумный, страстный!

Совершенно себя не контролируя, я всецело отдалась незнакомому порыву, а Никита забыл про гордость. Я тянула его за майку, прижимаясь к груди, как минуту назад к берёзе. Вот-вот взорвётся от возбуждения, как бочка с порохом.

Неужели он не видит ответы на вопросы, которые бросает в меня?

Неужели не чувствует?

- Ну, давай... – решил вернуться под сарафан.

Я снова крепко сжала его запястья, но он не растерялся и прижал мою ладонь к своим мокрым шортам. Я интуитивно её отдернула, как от чайника с кипятком, оторвалась от дерева и, не оглядываясь, пулей полетела в сторону дома.

Не знаю, что изобразило при этом лицо парня, но просто ужас, как мне было неловко! И так стыдно...

На крыльце сидел Андрей. Увидев меня, он удивлённо нахмурился.

- И почему ты такая мокрая?

- Так жарко же... – прерывисто дышала и отрывисто говорила я после бега. – Была в лесу... Там речка... Вот... испугалась.

Надо успокоиться, а то это может...

- В сарафане? – перебил мои мысли Андрей.

- Ну... да. Так вышло, – и нырнула в калитку.

- За тобой кто-то гнался? – подвинулся друг, предлагая

ступеньки рядом.

Убирая мокрые волосы с лица, я только и смогла, что бес-толково развести руками.

Откуда ни возьмись, черти принесли Никиту. Самодовольно улыбаясь, он повис на заборе с той стороны.

- Понятно, кто за тобой гнался, - кивнул Андрей на мокрые шорты за оградой. – Вы плавали наперегонки?

Я обхватила голову руками, будто ничего не хотела слышать. Никаких голосов, кроме моего – с отчётливым стуком надвигающейся беды.

- Да у вас прямо идиллия, - бросил Никита в Андрея. – Теперь твоя очередь лезть ей под подол?

- Следи за языком, - защитил мой друг.

- А то что? – процедил сквозь зубы парень за оградой.

Я в считанные секунды рассталась со ступеньками, чтобы разом ответить на все ядовитые вопросы за сегодня, и вцепилась ему в звонкую пощёчину.

Мою руку словно паром обожгло, а земля на мгновение ушла из-под ног. Воздух застрял на полпути из лёгких, и бездыханно замерев, я осознала ещё не мою, но готовую стать частью меня боль, которую придавила к груди обожжённой рукой.

Чья же она?

Никита выпрямился и отошёл. Ни один мускул не дрогнул на лице, но сквозь пелену, повисшую вокруг меня, я увидела улыбку из глубины его глаз.

Нет, мне не показалось.

- Тебе нехорошо? – вырос рядом Андрей.

Я вцепилась в него всё той же рукой, и смутное видение стало настолько ясным, что, задышав, наконец-то, полной грудью, я бросилась бежать...

- Да что случилось? – зашёл Андрей следом.

- Тебе нельзя быть со мной! – спряталась я в самой дальней комнате дома.

- Не начинай.

- Ты не слышишь? – громко возмутилась. – Я вижу, понимаешь? Вижу твою боль!

- Откуда она? – не соглашался тот.

- Не знаю! – обречённо выдохнула я.

- Зато я знаю, - неожиданно повысил он голос. – Когда вижу Никиту рядом с тобой, мне требуется скорая помощь, - и поморщился. – Неужели неясно, что у него на уме? Разве не видишь?

Я уставилась в одну точку.

- Нет.

Андрей уставился на меня.

- В смысле?

- Его мысли закрыты. Я не вижу их.

- А мои видишь? – снова возмутился. – Посмотри на меня!

Видишь?

За волнением в глазах открыто боролось за признание доброе, светлое чувство – чистое и правдивое, с ясным по-

ниманием того, что оно есть.

- Я не могу ответить тем же, - честно призналась. – Прости.

Между нами повисло недолгое молчание.

- Может, его мысли закрыты неспроста? – словно заранее подумав над ответом, спросил Андрей. – Может, потому что твои открыты?

- Не знаю.

Внутри было ужасно тревожно.

- А кто знает? Кто, кроме тебя, знает?

Я никогда не приписывала себе прочитанное за взглядом, потому что уверена – ко мне это не имеет никакого отношения. Разве люди, среди которых я проклята, могут испытывать другие чувства, кроме ненависти и презрения? Разве за словами Никиты кроется иной смысл? А его поведение обусловлено ревностью? Исключено. Этого просто не может быть! Залезть мне под подол – единственное чувство, которое им руководит.

- Я знаю, что делать, - и убедительно кивнула. – Буду молчать до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.